

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ГУМИЛЕВ

(1912—1992)

Бытие человека не вполне кончается его смертью; умершие продолжают еще долго жить в памяти своих родных и соседей, друзей и противников, в результатах своей деятельности и даже бездеятельности, если та имела существенные последствия. Крупные талантливые ученые, к числу которых принадлежит и Л. Н. Гумилев, подобно другим творческим деятелям,— фактически бессмертны, ибо будущие поколения людей, посвящающих себя той же сфере научных исследований (а если эта сфера относится к познанию сущности исторических процессов, то и широкий круг любознательных), будут вновь и вновь обращаться к их статьям и книгам, развивать идеи, которые представляются правильными, и подбирать контраргументы к сомнительным высказываниям.

Долгая и сложная, драматическая и славная жизнь Л. Н. Гумилева заслуживает специального описания, для которого у меня мало материалов. Ограничусь поэтому краткими биографическими сведениями. Л. Н. Гумилев родился 1 октября 1912 г. в семье знаменитых русских поэтов — Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой — и в детстве прошел через драматизм развода и разобщенности своих родителей. Трагическая гибель его отца, арестованного в августе 1921 г. и расстрелянного по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре, во многом предопределила жизнь самого Л. Н. Гумилева, особенно с середины 1930-х гг., когда стала утверждаться практика репрессирования ближайших родственников «врагов народа». По своему характеру Л. Н. Гумилев не был конформистом и уже потому не мог избежать таких репрессий. Он был арестован в 1935 г., но вскоре освобожден после письма А. А. Ахматовой к Сталину, что дало ему возможность завершить высшее образование по специальности историка-востоковеда. В 1938 г. Л. Н. Гумилев был вновь арестован и осужден на пять лет с последующей ссылкой в Туруханский край, откуда в 1944 г., ушел добровольцем на фронт.

Но и по возвращении в Ленинград его научная деятельность складывалась непросто. В 1948 г., уже работая в Ленинградском Эрмитаже, он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Политическая история первого тюркского каганата (546—569 гг.)». Однако в том же году он был вновь арестован и провел в заключении около восьми лет до

реабилитации в 1956 г. Насколько мне известно, ему удалось пополнить свои знания и за счет тюремной библиотеки, но его накопившаяся творческая энергия могла проявиться лишь на свободе. В 1960 г. он опубликовал книгу «Хунну. Срединная Азия в древние времена», а в 1961 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Древние тюрки VI—VII в.». В последующие десятилетия, будучи профессором Географического факультета ЛГУ, Л. Н. Гумилев продолжал публиковать книги по востоковедческой тематике: «Открытие Хазарии» (М., 1966), «Древние тюрки» (М., 1967), «Поиски вымышленного царства» (М., 1970), «Хунны в Китае» (М., 1974). Вместе с тем уже со второй половины 1960-х гг. в центре его интересов оказались проблема сущности этноса, вопросы этногенеза и этнической истории в их связи с географической средой. Основная, посвященная этой тематике монография «Этногенез и биосфера Земли» была опубликована в издательстве ЛГУ в 1989 г.; некоторые ее положения были развиты в книге «География этноса в исторический период» (Л., 1990). Опровергая расхожее мнение о снижении продуктивности ученого с приближением к старости, Л. Н. Гумилев публикует также монографию «Древняя Русь и Великая степь» (М., 1989), пишет ряд статей, и только смерть, наступившая 15 июня 1992 г., остановила его творческую деятельность.

Оценку востоковедческих трудов Л. Н. Гумилева должны дать специалисты; я же расскажу о его этнологических работах, более известных и широкому читательскому кругу. Должен сразу же сказать, что в историю советской этнографии (этнологии) он вошел и навсегда останется в ней как талантливый «возмутитель спокойствия», открыто противопоставивший себя почти всецело преобладавшему в ней направлению, возглавленному директором Института этнографии АН СССР академиком Ю. В. Бромлеем, да и специалистам по историческому материализму». Причем они расходились не по второстепенным, а по принципиальным вопросам. Вместо господствовавшего мнения о том, что этносы (этнические общности) являются социальными категориями, возникшими естественно-историческим путем, Л. Н. Гумилев стал рассматривать этносы как биогеографическую категорию, появившуюся благодаря деятельности особых людей — «пассионариев», сами же эти «пассионарии», по его представлениям, рождаются в определенных районах Земли вследствие мутационного воздействия каких-то космических лучей. Неопределенную до того продолжительность жизни этносов Л. Н. Гумилев ограничил периодом приблизительно в 1200 лет, разбив этот период на ступени, обусловленные ослаблением действия «пассионарности» и вымиранием «пассионариев». Вместо распространенной до того идеи о плодотворности взаимодействия этнических групп (в том числе и путем смешанных браков) он предложил концепцию о принципиальной вредности этнических контактов, о «химерности» и нежизнеспособности результатов таких контактов.

Не разделяя основные взгляды Л. Н. Гумилева, как и большинство российских этнографов, я дал критический анализ его концептуальным построениям в статье «Пути околотнической пассионарности (О концепции этноса и этногенеза, предложенной Л. Н. Гумилевым)» — Сов. этнография, 1990, № 4 — и сейчас не склонен отказываться ни от одного из своих принципиальных положений. К сожалению, дальнейшей полемики по этой проблематике не было; видимо, после смерти Ю. В. Бромлея, которого Л. Н. Гумилев считал своим главным противником, он решил уже не тратить силы и время на дискуссии. Нет резона продолжать спорить с покойным Л. Н. Гумилевым и мне. Более уместно, да и целесообразно сказать о причинах несомненной популярности Л. Н. Гумилева даже среди тех, кто не разделяет его основных положений, и о его реальных заслугах.

Было бы наивно считать, что популярность Л. Н. Гумилева не связана с магией его фамилии и его биографии. Однако дело отнюдь не только в этом, но и в его творческой деятельности, опиравшейся на громадную эрудицию и крепкую память, что позволяло ему свободно оперировать самыми разнообразными историческими фактами, в его прекрасном литературном стиле и склонности к занимательному повествованию. В этом отношении среди ученых ему по существу нет равных. Многих привлекала и оригинальность его концептуальных построений на фоне довольно однообразного единства других этнологов. Но здесь возникает и вопрос о том, что же привело Л. Н. Гумилева к противопоставлению себя многим крупным ученым, также владеющим обширным фактическим материалом и не склонным превратно истолковывать этот материал, тем более что в классической идеологии марксизма-ленинизма этнологическим проблемам внимания почти не уделялось; почему его теоретические построения столь сильно отличались от других?

По моему разумению, это было в немалой степени обусловлено спецификой мышления Л. Н. Гумилева. Человеческое мышление, при всем его индивидуальном своеобразии, можно подразделить на два основных типа: понятийно-логический и образно-рефлекторный; первый в его наиболее развитых формах преобладает в науке, второй — в литературе и искусстве. Оба эти типа мышления, вероятно, передаются по наследству или формируются в самом раннем детстве, и не случайно, что у сына двух знаменитых поэтов возобладали образно-рефлекторный тип мышления, когда в мозгу вспыхивают яркие образы, которые могут соединяться друг с другом самым причудливым образом. Сразу же вспоминается в связи с этим стихотворение его отца «Варвары» («Царица была как пантера суровых безлюдий...») или, например, «Жираф» («Вдали он подобен цветным парусам корабля...»);

ничуть не хуже и у самого Л. Н. Гумилева, показывающего приуроченность процессов этногенеза лишь к определенным вытянутым ареалам: «Как будто кто-то хлещет плетью шар земной, а к рубцу приливает кровь, и он воспаляется» («Этногенез и биосфера Земли», с. 207). Аргументация яркими образами представляется более убедительной, но вместе с тем может увести исследователя далеко в сторону.

Следует сказать и о специфике исторических материалов по средневековым кочевым народам, на которых Л. Н. Гумилев формировался как ученый. При разработке этнологических концепций большинство ученых обходят вниманием средние века, которые в этническом отношении были мало определены: этническое (языково-культурное) единство в них рождалось в «уках жестоких религиозных и феодальных конфликтов; что же касается кочевых народов Центральной Азии, наводивших ужас на соседей, то их этнический облик нередко был еще более туманным: в средневековых хрониках фигурируют сотни полуэтнонимов различных объединений, появившихся и исчезнувших с исторической арены. Л. Н. Гумилев не побоялся опереться в своих рассуждениях именно на этот зыбкий материал, пытаясь сцементировать его красочными гипотезами, и нередко приходил к интересным научным выводам, во многом терявшим свое значение, когда он придавал им глобальный характер. Впрочем, учет разработанного им фактора «пассионарности» (без космической подоплеки) представляется весьма полезным при анализе многих парадоксов и всемирной истории.

Активное участие Л. Н. Гумилева в разработке проблем этноса и этногенеза убедительно показало всем, в том числе и не согласным с его основными выводами, сложность этнических явлений и причудливость мировой истории. Его книги очень информативны, в них имеется много ценных рассуждений, относящихся, например, к этнической экологии. Да и его кажущиеся наиболее спорными положения в условиях современных ожесточившихся этнических столкновений побуждают нас задуматься над какими-то упущениями в принятой нами концепции этноса. И мне, его давнему оппоненту по некоторым принципиальным вопросам, уместно выразить уважение к его творческой деятельности и печаль по поводу его кончины.

В. И. Козлов